

# Библиография

Евгений Савицкий

## Как не избавляться от мусора?

СОПРОТИВЛЕНИЕ ЧИСТОТЕ В СОВРЕМЕННОЙ  
ЛИТЕРАТУРЕ И ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

### Gehrlein C. Abfallverbindungen: Verworfenes und Verwerfungen in Erzähltexten der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur.

Bielefeld: Transcript, 2020. — 470 S. — (Gegenwartsliteratur. Bd. 1).

Книга Кристины Герляйн «Отношения с отбросами: выброшенное и выбрасывание в повествовательных текстах современной немецкоязычной литературы» могла бы быть названа гораздо короче, например: «Мусор в современной немецкой прозе» — все остальное, кажется, можно было без большого ущерба для смысла



выкинуть. Замусоренность названия лишними словами раздражает: оно неэкономично, не вполне ясно (отбросы и выбрасываемое различаются, но и как будто поясняют друг друга) и, наконец, при всем обилии слов неточно, потому что по большей части речь в книге идет вовсе не о литературе. Короткие разборы отдельных произведений, не таких уж новых и современных, сменяются пространными отступлениями, посвященными тому, как вообще в современных теориях осмысляется тема мусора, с какими сюжетами она связывается и что пишут теоретики об этих связанных сюжетах... Многое из этого тоже можно было бы выкинуть, если бы это не была книга как раз о навязчивом желании удалять ненужное, как в жизни, так и в текстах.

Автор пишет о «мусорном письме» — таком, которое отклоняется от линейности, дает место случайному, тому, что вообще-то можно было бы и не подбирать. Герляйн ссылается на М. де Серто, писавшего, что всякая исследовательская работа основана на разделении нужного и ненужного, мыслимого и немислимого, то есть

оставляемого за рамками экономично организованного рационального пространства научного труда<sup>1</sup>. Этому соответствуют материальные практики сохранения или уничтожения текстов, как в архивах, так и в повседневной жизни. Серто, который был не только историком и исследователем городской повседневности, но и психоаналитиком, сомневался в возможности полностью избавиться от выброшенного, которое, как он отмечал, не вполне подконтрольно нам, норовит подорвать установленные границы, вернуться к нам вопреки всем запретам. В работе историка это проявляется в том, как отобранный источниковый материал постоянно нарушает хронологические, географические и тематические границы исследования, и вопрос, по мнению Серто, заключается в том, нужно ли усиливать «пограничный контроль», или же, наоборот, исследователь может позволить себе большую открытость иному, немыслимому, нарушающему порядок его работы. Герляйн ссылается также на Генри Миллера, который в «Книгах в моей жизни» писал о своего рода мусорных практиках чтения всего без разбору (вроде штудирования в алфавитном порядке справочников), а также на Николауса Вегмана, рассуждавшего о сходстве с помойками библиотек, где также возникает соблазн рыться в содержимом полке, раскрывая книги без какого-то плана — как те, которые еще могут быть для чего-то использованы, так и те, что уже вряд ли когда-нибудь пригодятся<sup>2</sup>.

Вслед за более ранними исследователями Герляйн отмечает: определение того, что относится к мусору (и, в более широком смысле, к недостойному существованию — в качестве отбросов порой могут определяться люди и животные<sup>3</sup>), связано с осуществлением культурно специфичных форм власти<sup>4</sup>. Вопрос в том, в чем именно заключается специфика современной власти над мусором, в какой мере возможно если не отменить, то хотя бы ослабить ее и какова при этом может быть роль литературы и знания о ней.

По мнению автора книги, отношение к мусору в современном обществе вырабатывается уже на уровне телесных практик. Так, например, чтение книг в положении сидя позволяет избегать всего того, что порой валяется (или кажется, что

- 
- 1 *Certeau M. de. L'écriture de l'histoire. P., 1975. P. 79.*
  - 2 *Wegmann N. Bücherlabyrinth. Suchen und Finden im alexandrinischen Zeitalter. Köln; Weimar; Wien, 2000. S. 114.*
  - 3 В качестве примера Герляйн упоминает фигуру homo sacer, о котором писал Д. Агамбен: *Агамбен Д. Homo sacer: суверенная власть и голая жизнь. М., 2011.* В более широком смысле разные социальные группы могут определяться как отбросы; так, в разных странах, в том числе в России, нередки случаи выбрасывания в помойку нежеланных младенцев. Животные, как и люди, могут определяться как «вредители», подлежащие уничтожению.
  - 4 См., в частности: «Аффектированная реакция индивида на отходы и отбросы, с одной стороны, не замыкает его на самом себе, поскольку они, хотя он их и производит, внешни ему, а с другой — не дает ему повода безоговорочно дифференцировать антропологическое и природное, поскольку и в том, и в другом царстве материя ветшает и приходит в беспорядок. Recycling есть самое социальное. Она берет начало в ритуальном действе, освобождающем мир от хаоса и заново структурирующем его, пурифицирующем его и тем самым отправляющим власть над мусором, каковая оказывается властью общества над любым его членом» (*Смирнов И.П. Хлам текстов: (мусор, эмоции и философия) // Логос. 1999. № 2. С. 138*). Еще раньше Ф. Грасмук и К. Унферцагт писали, что «облегчаться» — не только необходимое для поддержания нашей жизни удаление того, что может привести к контаминации, но и важнейший элемент свободы. Воспитание любви к чистоте, напротив, связано с контролем над выделениями, и потому конститутивно для человеческого «я». Постепенно этот контроль распространяется и на переработку выделений (см.: *Grasmuck V., Unverzagt C. Das Müll-System. Frankfurt a.M., 1991. S. 15—16*).

валяется<sup>5</sup>) у нас под ногами. Вслед за Хайо Айкхофом, автором книги «Небесный трон и кресло-качалка»<sup>6</sup>, Герляйн утверждает, что сидение приводит к телесным и душевным деформациям, оно связано с приучением к оседлости и порядку<sup>7</sup>, с захватом и эффективным использованием пространства. Так, в школе дети, которые любят возиться на полу или на земле, а особенно, по замечанию В. Беньямина, играть с каким-нибудь мусором<sup>8</sup>, приучаются дисциплинированно сидеть и работать за партами, не отвлекаясь ни на что лишнее. Чтение и письмо требуют, таким образом, подавления собственной телесности, ограничения детской подвижности и жизнелюбия. Само написание буквы рядом с буквой, строчка за строчкой, приучает к дисциплинированному «рассаживанию» знаков.

Примечательно, пишет Герляйн, что именно сидя работает главный герой рассказа Г. Бёлля «Выбрасыватель» — истории о городском сумасшедшем, одержимом планами устранения всего того лишнего, на что люди попусту тратят время. Он занимается сложными расчетами, которые показывают, сколько времени и душевных сил люди расходуют, например, на распаковывание приобретаемых товаров. «В нервных клиниках растет количество больных, дошедших до нервного срыва при разворачивании очередного флакончика духов или при открывании коробки шоколадных конфет или пачки сигарет»<sup>9</sup>. Герой повести говорит, что изучает «историю одного молодого человека, моего соседа, в поте лица зарабатывающего горький хлеб рецензента и временами совершенно забрасывающего свою работу, потому что ему уже не в состоянии было разрывать прочную бечевку, которой связывались пачки присылаемых ему книг; если он, собрав последние силы, разрывал бечевку, то оставалась еще прочная картонная коробка, оклеенная лентами гуммированной бумаги, одолеть которые он был не в состоянии. Вид этого молодого человека производит ужасающее впечатление, и к тому же теперь он вынужден писать рецензии, не читая присылаемых ему книг, пачки с ними он ставит на полку нераспечатанными»<sup>10</sup>. Все это, по глубокому убеждению героя повести, чревато самыми негативными социальными последствиями. Поначалу мало кто разделяет его беспокойство, руководители фирм отмахиваются от его подсчетов, но однажды его берут на работу в страховую компанию и доверяют сортировку почты. Оказалось, что действительно сотрудники тратят много времени на разрезание лишних конвертов, в которых часто оказывается завлекательно составленная рек-

- 
- 5 О том, как возникает озабоченность вездесущей пылью, и в целом о культурной потребности в воображении различия грязного и чистого в Европе и США XIX—XX вв. см.: *Вайнштейн О.Б.* Откуда берется пыль?: семиотика чистого и грязного // *Мировое древо: международный журнал по теории и истории культуры.* 1998. № 6. С. 153—170.
  - 6 *Eickhoff H.* Himmelsthron und Schaukelstuhl. Die Geschichte des Sitzens. München, Wien, 1993.
  - 7 В немецком языке слово «закон» этимологически связано с «усаживанием» (*Gesetz/setzen*), чему в русском языке соответствует, наоборот, «установление». Впрочем, Айкхоф не противопоставляет сидение и стояние, считая их близкими телесными практиками.
  - 8 «Дело в том, что дети обладают особой склонностью выискивать всевозможные места, где видно, как идет работа с вещами. Их неодолимо притягивают строительные отходы, мусор, скапливающийся во время шитья или уборки дома, работы в саду или в столярной мастерской. В обрезках и стружках они узнают тот лик, который мир вещей обращает именно к ним, к ним одним» (*Беньямин В.* Улица с односторонним движением / Пер. с нем. под ред. И. Болдырева. М., 2012. С. 23—24).
  - 9 *Бёль Г.* Выбрасыватель / Пер. Е. Колесова // Бёль Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. М., 1990. С. 646.
  - 10 Там же.

лама, на изучение которой они тратят несколько минут, прежде чем отправить ее в корзину. Дважды в сутки «выбрасыватель» по разработанному им алгоритму отсортировывает все ненужные письма и тем самым способствует экономии большого количества рабочего времени.

Этот превращающий письма в мусор человек обеспокоен, однако, также и тем, что ему приходится уничтожать результаты чужого честного труда. По утрам, когда он отправляется в центр города, где располагается его страховая компания, ему «делается жутко от мысли, что со мной в одном трамвае едут люди, вчера добросовестно выполнившие свою работу, которая сегодня будет мною уничтожена: типографские рабочие, наборщики, художники, авторы текстов для рекламных проспектов, граверы, фальцовщицы, упаковщицы, подмастерья каких-то фирм»<sup>11</sup>. Еще в детстве герой повести доставал из мусорной корзины рекламные проспекты, выбрасывавшиеся его отцом, изучал их, мысленно отправляясь в дальние путешествия или разглядывая новые диковинные технические устройства, и со временем собрал большую и хорошо упорядоченную коллекцию таких бумаг. Повзрослев, он продаст ее старьевщику и купит себе блокнот и карандаш для расчетов. Ощущая теперь собственную власть над продуктами чужого труда, которые он волен сохранить или уничтожить, герой повести, как отмечает Герляйн, испытывает в то же время и чувство стыда: рассказ написан как анонимное признание, на которое было бы невозможно решиться в личной беседе с кем-то. В деятельности «выбрасывателя» обнаруживается оборотная сторона общества потребления, в котором все больше вещей со все возрастающей скоростью отправляются в отбросы.

Рассказ Бёлля был написан в 1957 г., в период западногерманского «экономического чуда», и Герляйн указывает на произошедшую в то время перемену в отношении к мусору, о которой писали Фолькер Грассмук и Кристиан Унферцагт<sup>12</sup>: в канун войны крупные фирмы думали больше о предстоящих прибылях, и вырвавшиеся рядом с предприятиями горы отбросов были «первоначальным накоплением» мусора, мало кого беспокоившим. После войны восторжествовал дух бережливости: немцы собирали в руинах своих домов и стремились с пользой употребить все, что там можно было найти. Местами такие проявления бережливости сохранялись вплоть до 1960-х гг., но в 1950-е, по мере роста потребительского бума, страна начинает «праздновать свой успех в аналном наслаждении выбрасыванием всего что можно»<sup>13</sup>, и особенно упаковок (которые прежде часто сохранялись — вдруг пригодятся). Чем больше гора мусора под дверью<sup>14</sup>, тем больше уважение со стороны соседей, не перестающих удивляться тому, как много мы способны потреблять. Благосостояние начинает измеряться количеством выбрасываемого.

В то же время, как пишет Герляйн со ссылкой на теорию «текучей современности» Зигмунта Баумана<sup>15</sup>, сам современный капитализм не заинтересован в долгой жизни вещей — они должны как можно быстрее отправляться на свалку. Уже в 1950-е появляются и пользуются большим успехом одноразовые шариковые ручки, за ними следуют одноразовые бритвы и зажигалки. Для того чтобы поддерживать желание потребителя, завлекать его все новыми обещаниями, старые

11 Там же. С. 644. См. также: *Bardmann T.* Wenn aus Arbeit Abfall wird. Aufbau und Abbau organisatorischer Realitäten. Frankfurt a.M., 1994.

12 *Grassmuck V., Unverzagt C.* Op. cit. S. 13.

13 В связи с этой «*incontinentia alvi*» авторы с отсылкой к З. Фрейду пишут о «вторичной инфантилизации» современных потребителей (*Ibid.* S. 14, 16).

14 В Германии принято выставлять мешки мусора перед входной дверью, чтобы их забрала потом мусорная машина.

15 *Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008.

обещания должны постоянно нарушаться, а обещанное воплощение желаний — оборачиваться разочарованием<sup>16</sup>. Тот, кто сохраняет старые вещи после того, как на рынке появляются их обновленные версии, считается человеком не вполне благополучным.

По мнению Герляйн, герой Бёлля оказывается сумасшедшим именно потому, что сопротивляется этим основным тенденциям послевоенного капитализма. Он хотя и работает выбрасывателем и даже собирается основать школу, чтобы обучать этому ремеслу других, но мечтает о том времени, когда ничего лишнего просто не будет производиться. Днем он старается соблюдать приличия: после разбора утренней почты неспешно гуляет по городу, заглядывает в магазины и обедает в ресторане, где вдумчиво выбирает еду. И только вечером, наедине с собой, он может позволить себе спешку, чтобы наконец снова предаться своим расчетам и графикам: «Я пью кофе стоя, наспех заедая его бутербродами, нисколько не напоминая того гурмана и знатока, каким казался еще сегодня днем»<sup>17</sup>. В странном мире «выбрасывателя» довольно трудно определить, какое же время является действительно свободным: он «убивает» часы днем, когда, согласно его же системе, время особенно ценно и должно экономиться, и пытается сэкономить каждую минуту вечером, когда, казалось бы, он уже дома и спешить некуда. Герляйн недооценивает амбивалентность рассказа Бёлля, в котором экономия и расход едва ли различимы в их безумном соединении, и странной оказывается не только расточительность периода экономического бума 1950-х, но и характерное для этого времени стремление к экономичности, как, например, в доминировавшей тогда «современной архитектуре»<sup>18</sup>.

Однако именно в качестве критики экономности, стремления устранить излишние расходы прочитывается роман Михаэля Энде «Момо, или Удивительная история о похитителях времени и ребенке, который вернул его людям» (1973). В некоем городе появляются серые господа, которые запрещают жителям тратить время попусту и даже заводят специальные счета, на которых всякий расход времени строго учитывается. По мнению Герляйн, Энде иносказательно повествует об изменениях европейской повседневности под влиянием тейлоризма, фордизма и макдональдизации. Главная героиня романа, девочка Момо, живет среди руин древнего амфитеатра, куда изредка наведываются туристы. «Выглядела Момо немного странно. На людей, ценивших аккуратность и чистоту, она действовала пугающе»<sup>19</sup>. Никто не знает, как она там появилась, но люди о ней заботятся, у нее много друзей, и благодаря умению слушать других, побуждать их рассказывать свои истории она оказывается душой местного сообщества. С появлением серых господ все меняется: у людей больше нет времени друг для друга, город становится местом фабрик и офисов. Дети больше не могут просто играть на улице, где они возились с разным мусором. Здесь Герляйн дает исторический комментарий: со

16 Схожим образом А. Недель описывал советское общество как построенное на соблазнительных обещаниях власти — народу и народа — власти, которые заведомо не могли быть исполнены, но поддерживались самой этой неисполнимостью: *Недель А. Соблазненная суверенность: эссе об обещании // Логос. 2001. № 3. С. 135—142.*

17 *Бёль Г. Указ. соч. С. 647.*

18 Ср.: «Колоссальные потери материалов, времени и труда, вызванные тем, что жилищные комплексы до сих пор возводят по бесчисленным, не связанным друг с другом индивидуальным проектам, вместо того чтобы осуществлять их в рамках массового производства по стандартным, хотя и достаточно гибким планам, больше не могут иметь никакого оправдания» (*Гропиус В. Круг тотальной архитектуры. М., 2017. С. 176.*)

19 *Энде М. Момо / Пер. Ю. Коринца. М., 2001. С. 8.*

ссылкой на социолога Мартину Лёв<sup>20</sup> она пишет, что начиная примерно с 1800 г. в Европе появляется негативное отношение к игре детей на улице. Происходит постепенное одомашнивание детства, и апогея этот процесс достигает в 1960-е гг. Теоретики «новой архитектуры» считали ужасной игру детей на улице, где они подвергаются стольким опасностям и где их никто не воспитывает. Теперь, когда в рамках регулярного городского планирования улицы должны были строго делиться на большие автомобильные магистрали, подъездные пути внутри микрорайонов и отдельно проложенные пешеходные дорожки, детям отводилось место во дворах, на специальных огороженных площадках или на территории школ и детских садов, где они играют под присмотром взрослых и где, конечно, не должно было быть никакого мусора. Характерно, что именно в это время с критикой удаления детей с улиц выступают городские активисты, такие как Джейн Джекобс<sup>21</sup>.

Кроме того, как отмечает Герляйн, «современные» дома, возводившиеся в 1950—1960-х гг., не предполагали места для хранения различного добра, которое раньше можно было складывать на чердаках старых домов. Новая архитектура с дешевыми съемными квартирами стремилась воспитывать человека, который мобилен и легко меняет место жительства в зависимости от часто меняющегося места работы или семейного положения. Соответственно, этот человек (и в особенности новая, свободная женщина) не обрывает имуществом, поскольку может пользоваться коммунальной инфраструктурой своего дома или микрорайона (библиотекой, салоном-прачечной, спортзалом и пр.). Однако борьба с домашним хламом, как отмечает Герляйн, оказывается также борьбой с историей и памятью, что прямо признавали в своих текстах теоретики «современной архитектуры». Вещи из прошлого, сохраняемые несмотря на свою ненужность, воплощают в себе связь с прошлыми моментами жизни и становятся поводом для рассказывания историй, как это не раз было в литературе XIX в., для которой столь важна фигура старьевщика<sup>22</sup>.

Не случайно Момо, героиня романа Энде, выглядит как ходячая лавка старьевщика: «Зимой она изредка надевала ботинки, но они были ей велики, да к тому же еще и разные. Ведь свои вещи Момо или где-то нашла, или получила в подарок. Ее длинная, до щиколоток, юбка была сшита из цветных кусков. Сверху Момо носила слишком для нее просторный старый мужской пиджак, рукава которого она всегда закатывала»<sup>23</sup>. Однажды серые господа дарят ей красивую нарядную куклу по имени Бибигёл, которая умеет разговаривать и называет себя «совершенной». Но именно с ней Момо не может играть и впервые в жизни испытывает скуку. Серые господа пытаются как-то поправить дело и дарят еще для куклы губную помаду, теннисную ракетку, сережки, сумочку, соль для ванны и пр. Однако Момо не может полюбить куклу; любовь, по мысли Энде, связана не с приобретением, а с бескорыстной тратой времени ради другого, что в новом мире недопустимо. По мнению Герляйн, Энде предлагает читателям вернуться к медленной жизни, при которой собственное время людей не подчинено рационализированному времени капитализма и возможны настоящие любовь и дружба. Но, как отмечает исследовательница, сама идея замедления производна от идеологии ускорения, по отношению к которому оно может быть лишь чем-то временным и относительным.

---

20 Löw M., Ruhne R. Prostitution: Herstellungsweisen einer anderen Welt. Berlin, 2011. S. 86.

21 См.: Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов / Пер. Л. Мотылева. 2-е изд. М., 2015. С. 99—113.

22 О старьевщике как литературном герое и метафоре писателя в литературе XIX в. см. также: Ямпольский М.Б. Наблюдатель: очерки истории видения. М., 2000. С. 13—44; Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное. СПб., 2004. С. 36—37.

23 Энде М. Указ. соч. С. 9.

Замедление, постоянное откладывание расставания со старыми и ставшими неприятными вещами характерно для главного героя трилогии «Абшаффель» (1977—1978) Вильгельма Генацино. Служащий по фамилии Абшаффель (от нем. *abschaffen* — «упразднить, устранять, уничтожать») скучает на работе и пытается убить время при помощи разных бессмысленных занятий: то он крутит себе волосы на бровях, то идет мыть руки в туалет, то наблюдает за коллегой напротив, то отправляется в столовую... Он также придумывает разные «эксперименты»: звонит на свой домашний телефон и слушает гудки; проезжает на трамвае пару лишних остановок и возвращается пешком; ищет самую старую проститутку в борделе и пр. Абшаффель работает в своей фирме уже много лет, и порой его посещают мысли, что надо наконец уволиться, но он все откладывает это решение. Также он долго не может выбросить старую подушку, на которой ему так удобно отдыхать дома; на ней уже появилось жирное пятно от головы, но снять и постирать чехол оказалось невозможно. От выбрасывания подушки Абшаффеля удерживает ряд соображений. Он представляет себе, как ему придется идти с этой красивой, несмотря на пятно, подушкой к мусорному баку, где ее потом наверняка увидят соседи, — лучше уж тогда идти с ней подальше, в соседний квартал, но это далеко... Кроме того, Абшаффель помнит, что его отец за всю жизнь износил лишь три пальто и что необходимость выбросить каждое из них была связана с тяжелыми переживаниями.

Подобным же образом Абшаффель не выбрасывает и многие другие вещи. Более того, он покупает в магазине дешевую кисточку для бритья в память о той, которой пользовался отец, затем удивляется своей покупке и выбрасывает ее, возвращается домой, но тут же снова отправляется в город за новой кисточкой, на этот раз дорогой и добротной. Продавец уверяет, что многие его клиенты пользуются такой кисточкой вот уже более двадцати лет, и Абшаффель покупает ее, но затем приходит в ужас от мысли, что одна и та же кисточка будет стоять у него на полке столько времени. Лучше все-таки, размышляет он, дешевые плохие кисточки, их хотя бы можно иногда выбрасывать. Герой романа постоянно балансирует между стремлением к чистоте и к грязи, между выбрасыванием и сохранением.

О памяти вещей идет речь и в романе «Бюро находок» (2003) Зигфрида Ленца, где действие происходит на вокзале, одном из «не-мест» (М. Оже)<sup>24</sup>, то есть транзитных мест, не связанных с какой-либо уникальной локальной памятью. Соглашаясь с таким определением вокзалов у Оже<sup>25</sup>, Герляйн отмечает, что именно там располагается в романе Ленца пространство, где время, наоборот, как бы задерживается, — камера хранения. Самые разнообразные забытые в поездах вещи, прежде чем отправиться на свалку, получают там шанс вновь обрести хозяев, которые, чтобы доказать, что вещь принадлежит им, вынуждены рассказывать, как именно они ее приобрели и потеряли и как в точности она выглядит. Сотрудники бюро находок и сами то и дело пытаются вообразить историю того, что им приносят, — так всякая вещь обретает свою, пусть вымышленную, историю. Находящиеся на грани превращения в мусор предметы одушевляются; на аукционе, где распродается то, что имеет какую-то ценность, ведущий торги предлагает «сжалиться» над прекрасной тростью, как если бы она действительно ждала нашего душевного участия. По-

24 Оже М. Не-места: введение в антропологию гипермодерна. М., 2017.

25 Ср. исследование железных дорог как мест длительного ожидания, потери времени: Kellermann R. Im Zwischenraum der beschleunigten Moderne: Eine Bau- und Kulturge-schichte des Wartens auf Eisenbahnen, 1830—1935. Bielefeld, 2021. Об ожидании как опы-те неопределенности, связанном с открытием заурядных вещей, в литературе модерна см. также: Erwig A. Waiting Plots. Zur Poetik des Wartens um 1900. Paderborn, 2018.

рой у забытых вещей есть свои тайны, как у чемодана, в котором обнаружилось второе дно со спрятанной там старинной испанской картиной. Как и в «Абшаффеле», именно пограничное существование вещей делает их особенно значимыми для людей: даже не распроданные за бесценок вещи привлекают внимание рабочих, которые грузят их в мусорную машину и порой оставляют что-нибудь себе.

В «Бое с тенью» (1999, рус. пер. 2009) Инки Парей действие происходит в Берлине конца 1980-х — 1990-х гг. Героиня романа живет в старом, предназначенном под снос доме, некогда роскошном и принадлежавшем еврейским домовладельцам. Дом больше не обслуживается компанией по вывозу мусора, и для его выбрасывания приходится проделывать особую операцию — поздно вечером, когда стемнеет, закидывать мешок в бак соседей, двор которых теперь отгорожен как частная собственность. Как показывает Герляйн, вопрос о переезде в новый многоквартирный дом с центральным отоплением и мусоропроводом, который сделает удаление мусора таким простым, оказывается связан с отношением к собственному трудному прошлому героини, но также и к травматичному прошлому города: так же, как в романе чередуются отсылки к старым и новым районам Берлина, чередуются и временные эпизоды из жизни героини. Выстраивание сложной темпоральности и пространственной организации романа — способ проблематизировать отношение к отбрасываемому — тому, что и странно притягивает, и заставляет желать поскорее выбросить все из головы.

Итак, рассматривая эти и другие литературные тексты (от Адальберта Штифтера и Франца Кафки до Андреаса Майера и Арно Шмидта), Герляйн выступает против двух доминирующих экологических позиций (но, как становится ясно по мере чтения, не только экологических), связанных с необходимостью или максимально полной переработки мусора, или избегания его производства. Сохранение близости к отбросам оказывается порой подлинным проявлением человечности, проявляющимся, в частности, в рассказывании неэкономичных по своему характеру историй. Стремление избежать мусора или переработать его во что-то полезное, послушно-служебное, не способное больше беспокоить или просто задерживать на себе внимание, представляет собой, по мнению автора, обратную сторону современного потребительского общества, нетерпимого к выстраиванию иных отношений с выбрасываемым. По словам Герляйн, «мусороцентричному литературоведению», понимающему себя как часть международных *discard studies*, необходимо искать новые способы осмысления отбросов, — способы, которые будут выходить за рамки существующих моделей экологической критики.